

Тонкая грань

Раннее утро. Та самая минута, когда солнце ещё не показалось на краю горизонта, а чернильные краски уже сменились бледно-голубой предрассветной дымкой. Эскариан - ещё один неприветливый, напыщенный город среди безжизненной пустыни. В этот час он мирно спит, подражая огромным валунам. Даже собаки, и те уже не подвывают, мирно посапывая между колёс передвижных лавок городского базара. Из звуков – только шум фонтана и писк голодных птенцов под круглой соборной крышей. Это - один из тех редких моментов, когда можно остановиться, собраться с мыслями, перевести дух.

- Гнилая тетива! До чего же холодно, - поёжился юный Скарби, сильнее укутываясь в шерстяное пальто. – Ненавижу пустыню!

Настоятель сплюнул на песок и небрежно пнул скорчившийся у ворот труп.

- Поройся у этого в карманах, - прохрипел он севшим голосом. – Наверняка отыщешь что-нибудь согревающее.

Скарби аккуратно отодвинул носком ботинка треснутый щит на груди покойника.

- Это - пустыня, скоро здесь будет так жарко, что ты, малец, захочешь скинуть с себя всё, включая исподнее, – цыкнув, проговорил старик Корп.

Отмахнувшись от назойливого старца, Скарби продолжил увлеченно исследовать одежду мёртвого солдата.

Я взглянул на город через пролом в стене. Огромная дыра в каменной кладке напоминала рваную рану на теле убитого мной солдата. Стражник – первая и всегда бесполезная жертва. Терпеть не могу кровь невинного на своих руках. Но судьба пока не предоставила мне шанса этого избежать. И так каждый раз: настраиваюсь на безразличие, а всё равно приходится уговаривать себя переключиться. Вот и сейчас я отвернулся от пробитой стены и приказал себе думать о том, скольких жирных, самодовольных негодяев прячет Эскариан в своём распухшем чреве.

- Хочешь? – довольный Скарби протянул мне раздобытую у покойника бутылку. – Не знаю, что они туда пихают, но пойло отменное!

Я нахмурился.

- Брат Скарби, тебе не приходило в голову, что прослыть мародёром – не самое удачное начало для молодого монаха?

- Нет, не приходило, - весело отозвался Скарби, и бутылка мгновенно исчезла в кармане его пальто. – И не придёт.

- Довольно болтовни, - мрачно проворчал настоятель и добавил уже громче. – Вперёд, братья, сразим мечом праведного гнева сию обитель чревоугодия и похоти!

- Ух ты, «сию обитель, да ещё и праведным мечом», - еле слышно передразнил Скарби и ухмыльнулся.

- Тебя что-то не устраивает? – сердито буркнул я.

- Как раз наоборот, - он растянул рот в довольной улыбке. – Мне будет приятно осознавать, что когда я протыкаю своим маленьким ножиком обвисшее брюхо гадов, это означает праведный гнев.

- Ох, и доиграешься ты когда-нибудь, - процедил я.

- Оставь, он ещё слишком молод, - со мной поравнялся брат Корп. – Пусть.

Иногда меня поражала способность старика подкрадываться настолько бесшумно, что я не замечал его присутствия, пока он не позволял себя обнаружить. В отличие от гибкого, прыгучего Скарби, владеющего луком, гораздо лучше, чем ножом, Корп был сух, морщинист и хром. Но когда наступало время судить за грехи, он брал в руку бичвар, свой неизменный кинжал, чем-то напоминающий коровий рог, и мог дать фору даже настоятелю, не говоря уже обо мне и мальчишке Скарби. Брат Корп был одним из тех, кому остаёшься благодарен всю свою жизнь. Он вырвал меня, полуживого, из рук работорговцев, и с тех пор я поклялся забыть, кем был и помнить только - кем стал.

Я – брат Алрэй, монах из малочисленного Ордена Карателей. Мы - те, кто давно уже не верит в спасение нашего мира. Мы плюём в лицо фанатикам, толкующим о божьей справедливости, потому что знаем: бог давно устал и отвернулся от нас. Но мы не отвернулись от него, а потому сами вершим праведный суд, отправляя грешников в ад раньше, чем это сделает время. Так мы спасаем их души и души невинных. За это мы готовы терпеть страшные муки, когда придёт, наконец, и наш черёд.

Обычно, мы пробираемся в города ночью и убиваем всех, чьи имена называют нам осведомители. Жертвы не испытывают боли. Правда, когда я слышу истории их жизни, мне хочется, чтобы предсмертные муки тварей были нестерпимы. Настоятель говорит, что я ещё не вполне осознал своего предназначения, потому и не научился до конца усмирять гнев. Он даже представить себе не может, как я желаю избавиться от чувства опустошения, которое неизменно сопровождает меня всюду, куда бы я ни отправился.

Вот и моя жертва. Отвратительно видеть, как трясутся в такт дыханию его бесчисленные подбородки. Этого выродка я люто ненавижу с тех самых пор, как впервые услышал о нём. Он обращается с рабами хуже, чем со свиньями и никогда не покупает новых, потому что в его доме живут и умирают поколения закованных в кандалы людей.

Я уже занёс тонкое лезвие над спящим студнеобразным монстром в человеческом облики, но по его отвратительной роже вдруг растеклась похотливая улыбка. Даже во сне он оставался мразью. Я замер. Нет, ты не умрёшь без боли! Опустив оружие, я саданул кулаком прямо в мерзкую ухмылку. В свой удар я вложил всю ярость, которая выжигала меня изнутри, пока мы готовились к нападению на Эскариан. Ублюдок застонал, вскрикнул и открыл глаза. Я хищно оскалился. Он прижал ладонь к окровавленному рту и рывком сел. От страха бесформенное тело заходило ходуном, напоминая жирную гусеницу махаона. Все его попытки кричать терпели неудачу: ужас сдавил глотку, и звуки застревали, обращаясь в сип. Инстинктивно закрывшись от меня руками, он смог выдавить только:

- Не убивайте меня, господин.

- Интересно, сколько раз ты слышал эти слова? – прошипел я и, всадив кинжал ему в живот, несколько раз провернул.

Он заверещал как поджаренный живьём поросёнок и согнулся, зажимая руками живот. Никогда ещё я так не наслаждался. Присев на край огромной кровати, я с улыбкой наблюдал, как воет и катается этот любитель изощренных издевательств, заливая всё вокруг своей поганой кровью.

Когда на смену эйфории пришла привычная пустота, я поднялся и одним движением перерезал чудовищу глотку. Он захрипел, булькнул и затих. Брезгливо обтерев кинжал о его рубаху, я отправился искать тех, ради кого нарушил сегодня основное непреложное правило Ордена.

Я нашёл их недалеко от дома в огромном грязном сарае. Внутри стоял непереносимый смрад пота, тухлой воды и человеческих испражнений. Лохматые, тощие люди с безумными глазами и испещренной язвами кожей сидели прямо на земляном полу. Я с трудом заставил себя войти. Рабы встрепенулись и прижались друг к другу, словно испуганные куры. Глухо звякнули цепи. Я остановился на пороге, не в силах сделать ни шагу. Казалось, вонь и могильная тишина уже проникли внутрь меня, разъедая, подобно червям. Мне приходилось видеть многое, но это было за пределами даже самых страшных моих кошмаров.

Если бы не братья, я, наверное, так и остался бы стоять в дверном проёме. Они стремительно ворвались в помещение и принялись ловко орудовать молотками, выбивая металлические клинья кандалов и освобождая несчастных. Я заворожено наблюдал за процессом.

Закончив работу, братья покинули сарай, вытолкав во двор и меня. Только на свежем воздухе я начал постепенно приходить в чувство.

- Зачем вы закрыли дверь? – тупо спросил я, когда ко мне вернулся дар речи.

- Они должны сами выйти, - объяснил настоятель. – Это поможет им избавиться от старой жизни и обрести новую.

Тяжело опустившись на ближайший камень, я стал ждать.

Прошло несколько часов. Утро окончательно вступило в свои права, а дверь так ни разу и не открылась.

- Пойду, отнесу им воды, что ли, - неуверенно выдал я, когда ожидание стало совершенно невыносимым.

Братья лишь пожали плечами. Скарби хохотнул, растянулся на мешках соломы и посмотрел на свет присвоенную недавно бутыль.

- Ты бы лучше им чего покрепче отнёс, брат. Глядишь, на людей походить начнут.

Настоятель сердито шикнул на юношу, а Корп укоризненно покачал головой. Я не стал вступать в перепалку. Быстро отыскав во дворе бочонок и убедившись, что в нём именно вода, я распахнул дверь сарая. Даже зная, что меня ждёт, я всё равно не смог сдержаться, чтобы не поморщиться.

- Вода, - сказал я, пытаясь изобразить радость, и поставил бочонок на землю. – Пейте, она чистая, я проверил.

Один из несчастных поднялся.

- Хозяин? – неуверенно проговорил он.

За ним принялись подниматься остальные.

- Хозяин, хозяин! – выкрикивали они, крепко прижимая к груди кандалы.

Попятившись, я вдруг почувствовал как самый худой ухватил меня за рукав и остервенело потянул на себя. Ткань затрещала, расплываясь по шву. Я вдруг ясно осознал, что каждая лопнувшая нить делает меня всё более беззащитным перед кучкой оголтелых рабов. Когда-то давно я оставил страх там же, где брат Корп бросил тела моих мучителей, но сейчас горьковатый привкус ужаса обжёт мне горло. Выдернув одежду из грязных, узловатых пальцев раба, я инстинктивно потянулся за кинжалом.

От дальней стены отделилось лохматое существо похожее на плешивого волка и, позвякивая цепью, побежало прямо на меня. Выхватив оружие, я прыгнул ему навстречу и ударил лезвием в бок. Существо завизжало, упало на колени и отползло обратно, на кучу вонючего тряпья.

- Не подходить! – заорал я, выставив кинжал перед собой, и не узнал собственного голоса. – Слышите, вы? Стойте, где стоите.

Люди замерли, но выражения их лиц остались прежними. На них читалось фанатичное благоговение. Спиной я начал пробираться к выходу, внимательно отслеживая, чтобы никто из них не вздумал дёрнуться.

Я был уже у цели, когда худющая девчушка лет тринадцати, бросилась мне под ноги и прижалась губами к пыльному ботинку.

- Забери меня, - заревела она, одной рукой размазывая по щекам грязные слёзы, а другой, протягивая мне цепь, на конце которой болтались две пары безобразных «браслетов». - Я сделаю всё, что захочешь, хозяин.

Сглотнув, я аккуратно высвободил ногу из её цепких пальцев и наклонился.

- Ты никому не служишь больше. Теперь ты свободна.

Казалось, она не расслышала или не поняла. Её взгляд блуждал, будто потерявшийся щенок. Она заскулила. Так протяжно, как, бывает, скулит собака, если вдруг незаслуженно получит пинка.

Ужас достиг апогея. Я размахнулся и со всей силы ударил её по лицу. Она распростёрлась у моих ног, и я внутренне содрогнулся, наблюдая, как её потрескавшиеся губы расплываются в счастливой улыбке.

- Я, многое, умею, - хрипло проговорила она, отделяя каждое слово. – Ты будешь доволен мной, хозяин.

Я схватился за голову.

- Дура! – надрывно заорал я. – Ты не понимаешь? Я не твой хозяин! Его больше нет.

Взяв себя в руки, я расправил плечи и окинул взглядом толпу оборванцев.

- Его нет ни для кого из вас! – закончил я твёрдым голосом и снова наклонился к девочке у своих ног.
– Ясно?

Она кивнула. Вонь, исходившая от её немытого тела резала глаза, паразиты, копошившиеся в спутанных волосах, вызывали тошноту, но я заставил себя не скривиться и не отвести взгляда. Она подалась вперёд и прошептала мне на ухо:

- Я клянусь, что ты будешь доволен.

Отпрянув, я одним движением распахнул дверь и помчался прочь, провожаемый недоумёнными взглядами братьев. Добежав до фонтана, я наклонился к воде и в мутном отражении увидел, как по плечу медленно ползёт жирная вошь. По телу прошла судорога омерзения. Я быстро стряхнул насекомое с одежды и оно, плюхнувшись в воду, беспорядочно задвигало лапами, оживив в моём сознании недавнюю жуткую картину. Я схватился за горло, и меня вырвало прямо в фонтан.

Очухавшись, я принялся ловить трясущимися руками холодные водные капли, и делал это до тех пор, пока мои ладони не заледенели. Прикладывая их ко лбу и щекам, я старался вернуть себе привычную невозмутимость. Но не тут-то было. Рабы не желали покидать сознания, вызывая всё новые и новые приступы тошноты.

Внезапно я почувствовал, как мне на плечо легла чья-то рука. Я вздрогнул и обернулся.

- Что это ты, сынок? – участливо осведомился брат Корп. – Никак глупые рабы тебя напугали?

Он хитро прищурил глаз, и уголки его губ чуть изогнулись в иронической усмешке.

- Не понимаю, - шумно выдохнул я. – Мы подарили им самое дорогое, что может быть у смертного – свободу, а они обнимаются с кандалами и лижут мне ноги. У паршивой дворняги, чьё тело зудит от лишая, а кости гремят от голода и то больше достоинства, чем у этих людей.

Корп поджал губы и глянул себе под ноги. Носком ботинка он провёл на песке тонкую черту, затем взглянул на меня.

- Видишь эту грань?

- И? – я тупо уставился на кривоватую борозду.

- Такая же разделяет два мира: тот, в котором живёшь ты, и тот – в котором они.

- Нет, брат Корп, мир как раз один и тот же, - я раздражённо развёл руки, показывая на всё, что нас окружало.

Старик покачал головой.

- Гляди. Сейчас ты - с одной стороны, а я - с другой, у тебя есть фонтан, у меня - тонны песка и пыли, но эта грань одинакова для нас обоих.

- И что же это за грань?

- Любовь.

- Ты шутишь! - я презрительно хмыкнул.

- Совсем нет, - он улыбнулся. – Свобода – это любовь всей твоей жизни. И даже присоединившись к Ордену ты не стал любить её меньше, ведь так?

Я озадаченно глянул на него, но промолчал. Он продолжил:

- Твоя любовь настолько сильна, что ты не можешь понять и принять иную.

Двумя пальцами он постучал мне по лбу, а потом ткнул в грудь.

- Вот и они не могут принять иной любви, брат Алрэй.

- И что же мне делать, отче? – растерянно проговорил я.

- Просто не пытайся отобрать её у них, и тогда они не станут посягать на твою.

Он подошёл к фонтану, соединил ладони и подождал, пока в них наберётся немного воды.

- Ты знаешь, что бывает, если, умирая от жажды, выпить целую флягу?

Я кивнул.

- С ними так же.

- Вот вы где, - к нам на всех парах нёсся Скарби, его щёки пылали, а на губах блуждала пьяная улыбка. – Там с одной из рабынь совсем беда. Она выползла из лачуги и бьётся в истерике. У меня было два предложения: дать ей вина или оплеуху, но настоятель отверг оба и велел позвать вас.

***

Полночь застала нас уже в пути. Я упорно шёл вперёд, не обращая внимания на жажду и голодные спазмы. Эриэн тихо ковыляла следом. Я сам придумал это имя. На моём родном языке оно означало – «вера в избавление». За то время, что мы провели в дороге, Эриэн ни разу не попросила, ни воды, ни остановки, хотя по опущенным плечам и заплетающимся ногам было ясно, что она смертельно устала. Но время не оставляло нам шансов. Слишком я задержался, отскребая грязь, прочно въевшуюся в кожу девушки. Братья, должно быть, уже в Тивинаре, но какое это теперь имеет значение?

Я остановился. Она замерла тоже. Я достал из походной сумки флягу и протянул ей.

- Выпей.

Она насупилась и помотала головой. Приблизившись, я взял её руку и вложил флягу в ладонь.

- Пей, Эриэн, - приказал я.

- Там слишком мало, - пролепетала она. – Тебе не хватит.

- Мне нужно, чтобы ты добралась до Тивинара живой, иначе моя жертва будет напрасной, - сказал я жёстко, – поэтому делай, как говорю.

Эриэн взяла флягу и мне показалась, что она сделалась меньше ростом. Чуть отхлебнув, она попыталась вернуть воду мне, но я сложил руки на груди и выжидающе взглянул на неё. Она сдалась.

Глядя, с какой жадностью она пьёт, я вдруг осознал, как чудовищно пересохло во рту у меня самого. Чтобы немного отвлечься, я отвернулся и задал давно мучивший меня вопрос:

- Сколько тебе лет?

Она закашлялась.

- Не знаю.

Я сокрушённо вздохнул.

- Ладно, неважно.

Сердито пнув небольшой песчаный холмик, я двинулся вперёд.

Она догнала, ухватила за полу моего пальто и затараторила:

- Я насчитала четыре тысячи семьсот тридцать два дня. Но, до тех пор как хозяин...

Она запнулась.

- Ничего, продолжай, - разрешил я.

- До тех пор как тот человек, - поправила себя Эриэн. – Решил научить меня считать, я уже жила какое-то время. Правда, плохо помню эти дни, я тогда была совсем маленькой.

Я внимательно посмотрел на девушку. Выходит ей где-то лет семнадцать, а может и больше. Никогда бы не подумал. Тоненькая фигурка, маленькая грудь и большие детские глазищи никак не вязались с её истинным возрастом.

Я взял её за руку. Она сжалась, но вырваться не стала.

- Пойдём, Эриэн, - сказал я. – Если я не могу отобрать твою любовь, я подарю тебе свою.